

Вырезка из газеты

ОМСКАЯ ПРАВДА

г. Омск

25 СЕН 1983

Огни будущего

Известно, что первые выступления Леонида Мартынова в печати относятся к весне 1922 года. То были стихотворение «Цирк», цикл «Мулен Руж» и два «диких», по собственному признанию поэта, стиха из самодеятельного сборника «Футуристы». Именно футуристами именовала себя небольшая группа молодых омских поэтов и художников, ревностных поборников новых форм в искусстве. Некоторые из тех, кого Мартынов называет в «Воздушных фрегатах», принимали деятельное участие в работе литературного объединения под названием «Омская артель писателей и поэтов». Ежедневно по четвергам молодежь собиралась сначала в помещении редакции газеты «Советская Сибирь» (Газетный переулок, 3), а затем на квартире писателя Антона Сорокина по улице Лермонтовской, 28. В представлении начинающих литераторов футуризм являл собой некий символ революционного обновления в искусстве, что, разумеется, было заблуждением. Но юные интеллигенты, вчерашние гимназисты искренне верили: футуризм — провозвестник будущего, за которое надо бороться. И они боролись — в меру своего разума. В цикле «Мулен Руж» Мартынов писал:

Мы — футуристы невольные.
Все, кто живет сейчас,
Звезды пятиугольные
Вместо сердец у нас.

Мечтой о благополучии
Мы оперируем сло.
Ждем, чтоб огнями
нежгучими

Будущее зацвело.
И притворяюсь глупыми —
Умному жить больней.
Пахнут землей и тулупами
Девушки наших дней.

По примеру Маяковского омские футуристы нападали на академизм в живописи, высмеивали мещанство, а главное — устремлялись в будущее, прославляли духовность. Все мы о будущем помним,
К революции духа зовем, —
восклисал семнадцатилетний Мартынов. Его товарищ по гимназии Борис Жезлов призывал:

Если пришла разлука, —
Встань, кто сердцем молод!
Великой Коммуны духом
Будет раздвоен голод.

Художническое и гражданское становление Мартынова происходило в эпоху бурных социальных преобразований. Поэт отдал щедрую дань традициям романтической поэзии с ее резким неприятием обывательского здравого смысла, прославлял мужественного героя — путешественника, охотника, вольного бродягу. Лирический герой молодого Мартынова рез-

ко противопоставлен фигуре мещанина, тоже достаточно характерной для советской литературы двадцатых годов. Эта тема размежевания, возникшая в юности, сохраняется в лирике Мартынова надолго, — вспомним известные строки о «бога-

том нищем» с решительным авторским выводом: «Мы — враги!» В раннем стихотворении «Рыбаки» выразителен финал: Думал я, что хотя и шатаюсь без толку,
Но бродячая жизнь хороша, —
Не имею жены, но имею
духостволку
И на выстрел гоню торгаша.

С 1922 года начинается профессиональное сотрудничество Мартынова сначала с омскими, а затем и с новосибирскими газетами и журналами. Ранние стихи Мартынова, многие из которых подписаны псевдонимом «Александр Гинч», выдержаны в стиле революционного плаката и рассчитаны на массового читателя. Отсюда их императивность, категоричность, экспрессия. Можно упрекать Мартынова в подражательности, но гораздо справедливее указать на законы жанра, которым следовал начинающий поэт. Ведь у языка газеты своя специфика. Мартынов правильно ее понял, насколько при этом не насилая свой природный талант лирика. Наивность иных стихотворных призывов поэта сегодня очевидна, впрочем их революционный пафос объясняется искренним чувством:

Революции русский пламя
Над Европой уже стоит.
Братья Запада, смело за нами,
И тогда Коминтерн победит!
(«Первое мая»).

В омской газете «Рабочий

путь», где было напечатано «Первое мая», Мартынов опубликовал в 1923 году еще ряд стихотворений: «К противоречивым демонстрациям», «Красной Армии», «Победа пролетариата», «1848 — 1923», «Циклон», «Ленский расстрел». Агитационное назначение этих поэтических плакатов бесспорно, как бесспорно и то, что далеко не все из них выдержали проверку временем. Да и не предназначен плакат для долгосрочного служения. Зато свое время, то есть психологию революционной массы начала двадцатых годов, стихи Мартынова выражали очень точно.

Красная сияет звезда
Над Индией, над Памиром.
Свободная Россия горда
Победой над старым миром.
Горд свободный Берлин.
Пусть еще в цепком тумане
Стоит Париж-исполиин.
Но и Париж восстанет!
Над старым поставьте крест,
Над гнилыми грязного хлама.
Коммунистический манифест
В жизнь проведем сполна мы!
(«1848—1923»)

Политически актуально, публицистически заостренно звучали и стихи Мартынова — Гинча, печатавшиеся на страницах ведомственной омской газеты «Сибирский водник». Удалось разыскать два ранних его стихотворения, относящихся к 1923 году, — «Возвращение» и «Открытие». Первое из них мы публикуем. Поводом к его написанию послужил факт возвращения из заграничных портов русских моряков на родину вместе со своими кораблями после окончания гражданской войны. С детства мечтавший о море, Мартынов не мог пройти мимо столь привлекательной для него темы, популярной, кстати, и у некоторых других писателей — современников.

Команды русских кораблей, с 1917 г. «переживавших революцию» в заграничных водах, потребовали возвращения кораблей в Россию и присоединения их к Красному флоту.

Из газет.
Родные бури, голос ваш
Из-за морей зовет вас властно.
Возьмем корабль старинный наш,
Стоит он в гавани напрасно.
Холмы Европы далеки,
С заната дует ветер свежий.

Ведут корабль свои моряки
Вдоль азиатских побережий.
Росси берет там, во мгле,
Там кровь — руда и слезы — росы.

Отдайте дань родной земле,
Широкоплечие матросы!

Будем справедливы: юношеские стихи Мартынова грешили описательностью и декларативностью. Однако чувствуется и другое. Поэт настойчиво ищет свою интонацию, никому не подражает, занимается самообразованием. Завидное начало.

С. ПОВАРЦОВ.